

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена

Женевский университет

Петербургский институт иудаики

Восьмая

международная летняя школа по русской литературе

Статьи и материалы

Каукоемриälä (Цвелодубово)
Свое издательство
2012

**Снова о интертекстуальной и языковой игре
в «Мелком бесе» или
на каком этапе останавливать анализ?**

1

Проблема «Сологуб и Гоголь» является чуть ли не одной из самых исследованных. Это и не случайно: на Сологуба, значительно повлияла гоголевская поэтика, кроме того он сознательно выстраивал цепочку интертекстуальных связей на уровне сюжета, и эти связи лежат зачастую на поверхности¹. На эти связи указывали еще критики в прижизненных статьях, а затем, уже в наше время, о них писались работы и защищались многочисленные диссертации². С момента появления «Мелкого беса», — пишет М. Павлова, — роман постоянно сравнивали с «Мертвыми душами»³.

При этом среди гоголевских подтекстов романа Ф. Сологуба «Мелкий бес», пожалуй, одним из самых бесспорных является сюжет, связанный с поездкой Передонова по чиновникам с целью заручиться поддержкой в случае возможных доносов. Не требует особых доказательств тот факт, что Сологуб здесь ориентируется на сцены посещения Чичиковым помещиков в «Мертвых душах».

Авторы различных исследований обычно не останавливаются подробно на анализе этого интертекста, отмечая сам факт явного сюжетного цитирования и давая ему краткую оценку. Варианты интерпретации, предлагаемые учеными различны и, как правило, не предполагают на-

¹ Ср. характерное замечание А. Белого о прозе «Мелкого беса»: «Она — не без Гоголя...» // Белый А. Мастерство Гоголя. М., 1934. С. 292.

² См., например: Симачева И. Роман Ф. Сологуба «Тяжелые сны»: на путях переосмысления художественной концепции Н.В. Гоголя. Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. канд. филолог. наук. М., 1989; Горских Н. Гоголь и Сологуб: поэтика вещного мира. Н.В. Гоголь и Ф. Сологуб: Поэтика вещного мира. Автореф. дисс.... канд. филолог. наук. Томск, 2002 и др.

³ Павлова М. Творческая история романа «Мелкий бес» // Сологуб Ф. Мелкий бес. М., 2004. С. 714 (серия «Литературные памятники»). Далее роман цитируется по умолчанию по этому изданию с указанием страницы.

личия существенной доказательной базы. Считалось, что для Сологуба была интересна пародия сама по себе, что воспроизведение известной узнаваемой сюжетной модели становится частью общей системы аллюзий на классическую русскую литературу, присутствующую в романе, и, конечно, обращалось внимание на социальный аспект, который действительно не мог не перейти хотя бы частично из гоголевской поэмы в текст Сологуба. Так, характерно, к примеру, что И. Галинская в работе о Сологубе и Набокове прежде всего акцентирует внимание именно на социально заостроенном гротеске и карикатуре в «Мелком бесе»⁴ — как раз в связи с интертекстуальными переключками.

Большинство исследователей останавливаются именно на этом. Некоторые идут дальше. И. Барковская пишет: «Не раз изображалась связь сологубовского посещения Передоновым городских властей с «Мертвыми душами» Гоголя. Но как кажется, Сологубу вовсе не важно было показать сходство того или иного начальника с Маниловым или Ноздревым (хотя и это сходство есть); только до определенной степени звучит социально-обличительный пафос, продолжающий герценовскую трактовку помещиков как мертвых душ, то есть людей, не нужных России. Гораздо существеннее само название поэмы Гоголя, воспринятое не метафорически, а в буквальном, кошунственном смысле: мертвые души...»⁵ З.Г. Минц подчеркивала наряду с социальными мотивами, характерный символический компонент романа: «Эти передвижения <Передонова — А.К.>, как и у Гоголя, с одной стороны, помогают развернуть перед читателями сатирическую галерею «мертвых душ» русской провинции конца XIX в.: открытых или маскирующихся реакционеров, болтунов-либералов, толстовцев и т. д. С другой стороны, визиты, с постоянно возобновляющимися разговорами о вымышленном инспекторстве Передонова, создают все нарастающий эффект «фантастической действительности»⁶.

С этим также трудно спорить, хотя в тексте романа имеются гораздо более явные параллели. Например, в прокуроре Авиновицком явно просматривается Собакевич: на это наталкивают культ физического здоровья и мощи, нарочито грубоватое («медвежье») обращение и т.п. Однако, все отмеченные параллели в образах чиновников у Сологуба и помещиков у Гоголя — это, на самом деле, лишь отправная точка для комментаторской стратегии.

⁴ Галинская И. «Мелкий бес» Федора Сологуба и «Камера обскура» Набокова // Культураология, 2006, №3. С.77–84.

⁵ Барковская И. Поэтика символистского романа. Екатеринбург, 1996. С. 157.

⁶ Минц З. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Минц З. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С.89.

Вспомним знаменитый монолог Собакевича о городских чиновниках:

Я их знаю всех: это всё мошенники; весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья⁷.

Этот отзыв Собакевича превращается в скрытый метонимический перенос, реализуемый во время сцены обеда у прокурора Авиновицкого в «Мелком бесе»:

— Выпейте ерофеичу, — предложил Авиновицкий. — Какое же у вас до меня дело?

— У меня враги есть, — пробормотал Передонов, уныло рассматривая рюмку с желтой водкою, прежде чем выпить ее.

— Без врагов *свинья* <здесь и далее выделено мной — А.К.> жила, — отвечал Авиновицкий, — да и ту зарезали. Кушайте, хорошая была *свинья*.

Передонов взял кусок *ветчины* и сказал:

— Про меня распускают всякую ерунду.

— Да, уж могу сказать, по части сплетен хуже нет города! — свирепо закричал хозяин. — Уж и город! Какую гадость ни сделай, сейчас все *свиньи* о ней *захрюкают* (с. 78).

Таким образом, происходит «авторизация» Авиновицкого прокурора в качестве комментирующей параллели к гоголевскому фрагменту. «Свинство» прокурора из «Мертвых душ» оборачивается реализованной метонимией. Бранное выражение превращается в реальную свинину, которую поедает Передонов; последующая характеристика жителей города как «хрюкающих свиней» (т.е. — сплетничающих) превращает передоновскую трапезу в мифологический акт поедания тотемного животного⁸. Другая знаковая параллель — аллюзия на сюжет «Одиссеи», где волшебница Кирка превратила в свиней всех спутников царя Итаки.

⁷ Гоголь Н. Полное собрание сочинений. Т.

⁸ Об обряде интичума, связанным с тотемным пиром, сопряженным с поеданием тотемного животного см. в работе: Анисимов А. Об исторических истоках и социальной основы тотемических верований // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 8. М., 1960.

Мотив «свинства» становится глобальным, сквозным, затрагивая так или иначе целый ряд персонажей «Мелкого беса» (за исключением, разумеется, Людмилы и Саши Пыльникова). «Тотемные признаки» проявляются и в самом Передонове:

— Плевать я на тебя хочу, — спокойно сказал Передонов.

— Не проплюнешь! — кричала Варвара.

— А вот и проплюну, — сказал Передонов.

Встал и с тупым и равнодушным видом плюнул ей в лицо.

— Свинья! — сказала Варвара довольно спокойно, словно плевок освежил ее.

И принялась обтираться салфеткою. Передонов молчал. В последнее время он стал с Варварою грубее обыкновенного. Да и раньше он обходился с нею дурно. Ободренная его молчанием, она заговорила погромче:

— Право, свинья. Прямо в морду попал (с. 22).

Проявление этих признаков в Передонове идет по нарастающей, причем это связано как с номинативной функцией (в диалоге с Рутиловым, при намеке Передонова на возможную инцестуальную связь):

— Не все же ссорятся, — сказал Рутилов, — вот я с сестрами не ссорюсь.

— Что ж ты с ними, целуешься, что ли? — спросил Передонов.

— Ты, Ардальон Борисыч, свинья и подлец, и я тебе оплеуху дам, — очень спокойно сказал Рутилов (с. 176).

— так и с приемом реализованной метонимии, построенном на уравнивании слова и действия в мифопоэтическом универсуме «Мелкого беса»:

Рутилов почти всю дорогу говорил один, — продолжал выхвалять сестер. Передонов только однажды вступил в разговор. Он сердито спросил:

— У быка есть рога?

— Ну, есть, так что же из того? — сказал удивленный Рутилов.

— Ну, а я не хочу быть быком, — объяснил Передонов.

Раздосадованный Рутилов сказал:

— Ты, Ардальон Борисыч, и не будешь никогда быком, потому что ты — форменная *свинья*.

- Врешь! — угрюмо сказал Передонов.
- Нет, не вру, и могу доказать, — злорадно сказал Рутилов.
- Докажи, — потребовал Передонов.
- Погоди, докажу, — с тем же злорадством в голосе ответил

Рутилов.

Оба замолчали. Передонов пугливо ждал, и томила его злость на Рутилова. Вдруг Рутилов спросил:

- Ардальон Борисыч, а у тебя есть *пяточок*?
- Есть, да тебе не дам, — злобно ответил Передонов.

Рутилов захохотал.

— Коли у тебя есть *пяточок*, так как же ты не свинья! — крикнул он радостно.

Передонов в ужасе хватился за нос.

— *Врешь, какой у меня пяточок, у меня человечья харя*, — бормотал он (с.44).

Здесь Сологуб вовсе не иллюстрирует парадоксы извращенной логики Передонова и его священный ужас перед гимназической формальной логикой (ср. также «доказательство» Рутилова, основанное на том, что «дважды два — четыре»). Экспликация передоновского зооморфизма является результатом того же особого, свойственного мифологическому сознанию, представления о перформативности высказывания, которое и делает возможным реализацию метонимического переноса значения.

Но на этом «свинская» тема в «Мелком бесе» отнюдь не заканчивается. Мотив свиньи-тотема неожиданно возникает в связи с характерным для первобытного мышления мотива обратимости смерти: съеденный тотем впоследствии легко может ожить.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдию, и расхвалила ее. Решили ехать за нею сейчас же, на Самородину-речку, где она жила пока у акцизного чиновника, на днях получившего перевод в другой город. Варвару остановило только имя. Она с недоумением спросила:

- Клавдия? А ейкать-то ее как же я стану? Клашка, что ли?

Грушина посоветовала:

- А вы ее зовите Клавдюшкой.

Варваре это понравилось. Она повторяла:

- Клавдюшка, дюшка.

И смеялась скрипучим смехом. Надо заметить, что дюшками в нашем городе называют свиней. Володин захрюкал. Все захохотали.

— Дюшка, дюшенька, — лепетал меж приступами смеха Володин, корча глупое лицо и выпячивая губы.

И он хрюкал и дурачился до тех пор, пока ему не сказали, что он надоел.

Тогда он отошел с обиженным лицом, сел рядом с Передоновым и, по-бараньи склонив свой крутой лоб, уставился на испачканную пятнами скатерть (с. 33)

Самородина-речка — это, конечно, огненная река Смородина, о которой много писал В.Я. Пропп⁹, — она пролегает между царством живых и мертвых. Об инферальной сущности персонажей «Мелкого беса» (включая, конечно, и самого Передонова) много и подробно пишет Т. Венцлова¹⁰, однако на этот факт он не обращает внимания.

Прислуга Клавдия, живущая подобно Соловью-разбойнику у пограничной реки Смородины, также оказывается свиньей, что уже заложено в ее имени. Таким образом, она включается в общую систему рода, объединенного одним тотемом. Последнее подчеркивается еще и тем, что хрюкать начинает даже Володин, изображенный в романе в качестве барана — кощунственно-инферальной трансформации агнца.

Мотив замыкается на названии романа, о чем интуитивно писал еще Г. Чулков, имея в виду пошлость и свинство Передонова: «Передонов — как одно из тех животных, о которых повествует Евангелие: «Бесы, вышедши из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны и потонуло». Передонов уже не человек, и погибает он не как человек: падает как бесноватое животное, в темное озеро небытия. Свиная личина Передонова явлена нам как вещей знак»¹¹. Как мы видим, дело обстоит гораздо глубже, чем полагал Чулков, и перед нами не простая деградация человека, но воплощение бесовского инварианта в виде возвращения к свинье-тотему.

2

К числу цитат, непосредственно отсылающих к соловубовской концепции прочтения Пушкина, принадлежит цитата из «Евгения Онегина», которую Передонов комментирует в классе: «Встает заря во мгле холодной, / На нивах шум работ умолк, / С своей волчиохою голодной / Выходит на дорогу волк». Передонов указывает ученикам

⁹ См.: Пропп В. Русский героический эпос. М., 1958. С. 254, а также Пропп В. Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998. Глава 7.

¹⁰ Венцлова Т. К демонологии русского символизма // Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Vilnius, 1997.

¹¹ Чулков Г. Федор Сологуб. «Мелкий бес» // Перевал. 1907. №7. С. 54.

на скрытую якобы в пушкинском тексте аллегорию: «Волки попарно ходят: волк с волчихой голодной. Волк сытый, а она голодная. Жена всегда после мужа должна есть. Жена во всем должна подчиняться мужу» (Там же).

А.Л. Соболев в статье «Из комментариев к «Мелкому бесу»: «пушкинский» урок Передонова» указал на то, что Сологуб высмеивает здесь позитивистский подход к интерпретации художественного текста¹². При всей справедливости этого вывода остается, однако, неясным, почему «анализу» в тексте романа подвергается именно эта цитата.

Леа Пильд в статье «Пушкин в «Мелком бесе» Ф. Сологуба пишет: «Поскольку «мрачные» компоненты пушкинского пейзажа сконцентрированы как раз в первых четырех строках строфы, то именно они наиболее адекватно выражают вечно угрюмое душевное состояние Передонова. Очевидно, что Передонов усматривает здесь не пейзаж, а фабульное повествование, прилагая его к обстоятельствам собственной жизни: одержимый манией преследования, он постоянно боится неожиданных поступков со стороны своей жены. Примечателен и выбор образа, с которым Передонов отождествляет себя: волк»¹³.

Между тем, на этом останавливаться не стоило. Достаточно взглянуть на общественные интересы Сологуба в конце 1890-х годов, чтобы понять, что передоновская интерпретация Пушкина связана прежде всего с полемикой по женскому вопросу, занимавший одно из центральных мест в прессе — и отсылает к одному из самых существенных аргументов противников равноправия женщин — невозможность для женщины прокормить себя и детей без мужчины (отца или мужа). «С XIX столетия зависимость связывается с теми, кто *исключен из наемного труда*. Такими оказались: 1) «паупер», который живет не на зарплату, а на общественное вспомоществование; 2) «житель колонии», «раб», «дикарь»; 3) «домохозяйка»¹⁴. Именно тогда тезис о «натуральном» разделении труда между мужчиной и женщиной получает *рациональное* обоснование: «по природе своей» жена

¹² Соболев А. Из комментариев к «Мелкому бесу»: «пушкинский» урок Передонова // Русская литература. 1992. № 1. С. 157–160.

¹³ Пильд Л. Пушкин в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Пушкинские чтения в Тарту. 2. Тарту, 2000. С. 320–321.

¹⁴ См. об этом, например: Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость женщин // Экономическая социология. Май 2003. Т. 4. №3. С. 106, а также: Fraser, N., and L. Gordon. A Genealogy of 'Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State, in: Fraser, N. (ed.) Justice Interrupts: Critical Reflections on the 'Postsocialist' Condition. N.Y., L.: Routledge, 1997.

должна находиться в подчинении у мужа, потому что она *экономически зависима* от него¹⁵.

Разумеется, «интерпретация» Пушкина Передоновым — действительно пародия. Но объектом пародии, видимо, были традиционные представления о роли женщины в обществе, с которыми боролась его жена, Анастасия Чеботаревская, писательница, переводчик, деятельница женского движения. Ее борьба проходила, как бы сейчас сказали, в чисто феминистском духе, «обогащенном» социалистической фразеологией. Чеботаревская боролась как за экономическую независимость женщины, так и за освобождение ее от «оков буржуазного брака», доказывая, что основной этого брака являются исключительно чисто экономические причины — невозможность для женщины прожить в одиночку.

В 1908 году, выступая на 1-м женском съезде, Чеботаревская говорила: «Судьба женщины — материальная и нравственная — нераздельно связана с историей общества, в среде которого она живет. Мы твердо верим в конечное разрешение женского вопроса только в грядущем социалистическом обществе»¹⁶.

Стоит указать и на то, что Сологуб по тем же самым причинам изображает в романе Передонова в качестве завидного жениха, которого многие стараются заполучить в мужья — для себя или для своих воспитанниц или сестер, объектом сатиры при этом является тот же самый институт «буржуазного брака».

3

Томас Венцлова обратил внимание на семантику фамилии «Пыльников»: от «пыльник»¹⁷. Пыльник — часть цветочных растений, содержащая пыльцу. Отсюда Венцлова делает справедливый вывод о фаллической семантике фамилии и, таким образом, вскрывает ее эротический подтекст — наряду с демонизмом (ср.: «демоны пыли» Брюсова — к демоническому распылению мира — энтропии общее место раннего символизма).

Не приходится сомневаться, что на определенном семантическом уровне Саша действительно предстает как «отрок-бог» Дионис, всту-

¹⁵ Pateman C. *The Disorder of Women*. Stanford: Stanford University Press, 1989. P. 123.

¹⁶ Чеботаревская А.Н. Женщина настоящего и женщина будущего. Доклад на Первом всероссийском женском съезде // Преображение (Русский феминистский журнал). 1995. №3. С. 81–86.

¹⁷ Венцлова Т. К демонологии русского символизма // Венцлова Т. Собеседник на пиру. М., 1997. С. 75, 81.

пающий в город и вносящий в его жизнь оргиастическое начало (соответственно Людмила и ее сестры предстают как менады).

Отсюда — легко проследить отсылки к концепции дионисийства Вяч. Иванова и на этом, в принципе, можно было бы остановиться.

Но следует задать вопрос: а почему именно пыльник? Когда он появился в ботанике. Мог ли знать этот ботанический термин Сологуб или речь идет только об ассоциации с «пылью»?

На эти вопросы ответить легко. Небольшой экскурс в историю ботаники дает информацию о том, что термин «пыльник» введен Карлом Линнеем в XVIII веке. Следовательно, он вполне мог быть известен Сологубу и подтекст имеет право на существование.

Однако справочники сообщают, что Линней одновременно ввел название и для *парного* органа, который он назвал «рыльце».

Если пыльник — «мужской», опыляющий орган, то рыльце — орган «женский», предназначенный для восприятия пыльцы при опылении. Между тем, превращение Передонова на языковом уровне в свинью, актуализирует и наличие у него рыла (ср.: игру со значениями слова «пяточок» в речи Рутилова). С помощью скрытой языковой игры (пыльник — рыльце / рыло — пяточок) Саша Пыльников оказывается завуалированным сексуальным партнером Передонова, причем — как ни странно — активной стороной, что вроде бы противоречит его «женской» роли в романе. Однако эта потенциальная активная сексуальная сторона Пыльникова реализуется в ранней редакции романа, во сне, который приснился Передонову (конец главы XVI): «Гадкий и страшный приснился Передонову сон: пришел Пыльников, стал на пороге, манил, и улыбался [нахально]. Словно кто-то повлек Передонова к нему, и Пыльников повел его по темным и грязным улицам, а кот бежал рядом, и светил зелеными зрачками... [Потом они пришли в темную коморку и Пыльников засмеялся, обнял Передонова, и стал его целовать]»¹⁸.

Другим воплощением женского начала становится Володин, при этом обыгрывается его неудачное сватовство с исполнением чуждой ему функции жениха:

— Эх, ты, жених! — дразнил его <Володина. — А.К.> Передонов. — Еще галстук надел. Где уж тебе с суконным рылом в калашный ряд. Жених! (с. 127)

¹⁸ Федор Сологуб. Мелкий бес. Составление, статья, комментарий М.М. Павловой. М., 2004. (Серия «Литературные памятники»). С. 519. См. об этом также: Павлова М. Процесс Оскара Уайльда и суд над Сашей Пыльниковым: «художники как жертвы» и жертвы художников // Toronto Slavic Quarterly. # 38. <http://www.utoronto.ca/tsq/03/pavlova.shtml>.

Как неоднократно замечалось, Володин представляет собой инверсированную искупительную жертву (барашек — агнец), и его принадлежность к животному миру подчеркивается также его дребезжащим голосом, который автор на протяжении всего текста постоянно обозначает как «блеяние». Конечно, Передонов не случайно употребляет слово «рыло».

Наконец, о княгине, которая является объектом некро- и геронтофилии Передонова, сообщается, что она «поросячью молодость себе в жилы пускает» (о связи этого мотива с экспериментами французского физиолога Ш.Э. Броун-Секарапо поиску «эликсира омоложения» см. в комментариях М. Павловой к изданию романа в серии «Литературные памятники»¹⁹). С помощью этого «поросячьего» мотива Передонов вводит княгиню в «клан», тотемом которого является свинья и к которому принадлежит как сам Передонов, так и большинство жителей города.

¹⁹ С. 799.